Чэн Юэ чувствовал, что в горле у него пересохло, да так трудно, что он словно не мог вымолвить и полслова.

Что это мужчина имеет в виду?

Зачем он всё это делает?

Чэн Юэ не хотел больше об этом думать.

Он опустил голову, глядя на собственные носки, тихо выдохнул: «Угу» — и нарочито произнес:

— Не нужно этого, я ведь всего на одну ночь.

Взгляд Чэн Шана был абсолютно черным, а на самом дне глаз бушевало бесчисленное множество эмоций.

Но он ничего не сказал, лишь велел Чэн Юэ принять ванну и пораньше лечь спать, после чего развернулся и вышел.

Событий в этот день произошло слишком много.

Чэн Юэ поначалу думал, что будет страдать бессонницей, но то ли из-за того, что обстановка в комнате была до боли знакомой, он ворочался всего пару раз, а затем крепко заснул.

Глубокой ночи плотно закрытая дверь вдруг приоткрылась, явив узкую щель.

Любой, кто увидел бы эту картину, не смог бы сдержать испуганного крика.

В лунном свете в комнату самым наглым образом вошел огромный леопард.

По сравнению с обычными барсами он явно был намного крупнее, в его золотистых звериных зрачках таилась смутная угроза, а от когтей и клыков веяло холодом.

Но он намеренно втянул острые когти в мягкие подушечки лап, ступая совершенно бесшумно, а за его спиной покачивался массивный хвост.

Он подкрался к кровати.

Спал юноша не слишком аккуратно: из-под одеяла выглядывала голень, открывая молочно-белую кожу, на щиколотке алел едва заметный розоватый оттенок, а каждый пальчик на ноге

казался округлым и милым.

Леопард уставился на них во все глаза.

Спустя мгновение, словно больше не в силах сдержаться,

он высунул язык и лизнул пальцы ног юноши.

Глава 4

Проснувшись на следующий день, Чэн Юэ обнаружил, что пальцы на ногах слегка покраснели и немного покалывают.

Но юноша внимательно осмотрел их — ничего серьезного, так что он не стал придавать этому значения.

Бедный Чэн Юэ и не догадывался, что шипы на языке леопарда куда страшнее и мощнее, чем у обычной кошки.

Он проснулся в полусонном состоянии, а окружающая обстановка точь-в-точь повторяла ту, что была у него дома, так что Чэн Юэ почти забыл о вчерашних событиях и искренне полагал, будто находится дома.

Юноша шлепал медвежьими тапочками, сладко зевая и протирая глаза, толкнул дверь и по привычке позвал:

— А-Шан…

Подняв взгляд и увидев перед собой высокую фигуру, юноша испуганно вздрогнул, оставшиеся слова застряли у него в горле, а хаотичные воспоминания вчерашнего дня нахлынули с новой силой — его лицо вмиг помрачнело.

Надув щеки, Чэн Юэ попытался принять грозный вид, но вышло неубедительно:

— Ты чего стоишь у моей двери!

Мужчина ответил ровным тоном:

— Ты же звал меня.

Чэн Юэ поперхнулся, лицо его слегка покраснело, и он пробормотал себе под нос:

— Ничего я тебя не звал.

Мужчина нахмурился:

— Ты завел еще какую-то кошку?

Он сделал шаг вперед, нависая над юношей, и произнес низким голосом:

— Нельзя.

Чэн Юэ не удержался и проворчал:

— Жадина.

Вскоре после того, как он принес А-Шана домой, его пригласили друзья в котокафе. Возможно, от него пахло чужими животными, но по возвращении домой А-Шан замер на полке, вздыбив всю шерсть на теле, и даже зашипел на него.

Чэн Юэ заперся в ванной и мылся трижды, пока от него буквально не перестало разить гелем для душа, и только тогда А-Шан с гордым видом переступил лапами, сделал круг вокруг его ног и зацепил хвостом его икроножную мышцу.

Словно скрепя сердце простил этого «неверного».

С тех пор Чэн Юэ держался от всех животных на пушечный выстрел.

Дома за этим следили очень строго.

Сейчас, услышав слова мужчины, он просто не мог не побрюзжать.

Уголки губ Чэн Шана едва заметно дрогнули.

Его взгляд упал на макушку юноши: из-за того, что тот только что проснулся, одна прядь волос забавно торчала вверх, придавая ему глуповатый вид.

Мужчина невольно протянул руку, желая примять эту прядку.

Но в тот же миг, когда он поднял руку, юноша с невероятной проворностью отпрянул назад.

Точно так же, как и вчера.

Он противился любым проявлениям близости со стороны Чэн Шана.

Взгляд мужчины помрачнел. Замрев на несколько секунд, он опустил руку, но голос остался прежним:

— Иди завтракать, всё уже готово.

Слова о том, что он собирался уходить, застряли у Чэн Юэ в горле.

Ладно.

В конце концов… почему бы сначала не поесть, а потом уже уходить?

Добравшись до столовой, он обнаружил там не только уставленный едой стол, но и знакомый пакет, лежавший рядом.

Глаза Чэн Юэ округлились от изумления, и он воочию наблюдал, как мужчина сел за стол, открыл пакет, достал кошачий консерв и, не торопясь, принялся вскрывать его, собираясь отведать.

Он в панике выпалил:

— Ты что делаешь?!

Чэн Шана на секунду замер, бросил на юношу взгляд и произнес невозмутимо:

— Завтракаю.

Чэн Юэ даже заикаться начал:

— Э-это… это я вообще-то купил…

Чэн Шана приподнял брови:

— Разве не для меня?

Фан Чэн забрал это из Полицейского управления рано утром, одновременно прислав электронную стенограмму, в которой были записаны все слова, сказанные Чэн Юэ вчера в полиции.

Например, то, что он переместился во времени из другого мира.

Это как раз идеально укладывалось в догадки Чэн Шана.

Почему на протяжении целых двадцати лет не удавалось отыскать и следа, почему Чэн Юэ выглядел точно так же, как в день своего исчезновения.

Существовало лишь одно объяснение.

Мужчина, казалось, с легкостью принял этот невероятный факт.

Его голос звучал спокойно:

— Садись за стол, поешь.

Юноша скривил лицо так, словно не знал, плакать ему или смеяться.

Отрешенно усевшись на стул, он воочию наблюдал, как Чэн Шан зачерпнул ложкой порцию консервов и отправил себе в рот.

Одно дело — знать, что мужчина и есть А-Шан.

И совсем другое — воочию наблюдать, как этот мужчина ест кошачьи консервы.

С каменным лицом Чэн Юэ откусил ломтик хлеба.

К тому же, разве те два полицейника не говорили, что истинный облик мужчины претерпел возвращение к предкам и теперь он — леопард?

Разве леопарды тоже любят кошачьи консервы?

На самом деле вовсе нет.

После Великой Эволюции животные, обретшие человеческий облик, во всех бытовых привычках приблизились к людям. И сейчас, поедая эти кошачьи консервы, Чэн Шан ощущал лишь сильный рыбный запах и терпкость.

Но он всё равно ел их ложку за ложкой, пока банка не опустела.

Потому что за эти двадцать лет он бесчисленное количество раз возвращался в сновидениях к тем ночным кошмарам, где его неизменно преследовал один и тот же сон: юноша с улыбкой говорит ему, что идет в магазин купить его любимых консервов.

http://bllate.org/book/36708/4565891